

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края

№ 1 (11)
24 марта 2014 года

[литературные вести]

■ ЮБИЛЕИ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В феврале и марте текущего года у трёх пермских писателей замечательные праздники – дни рождения. Эти даты принято называть круглыми, иначе юбилеями. К ним профессиональные авторы, чьё творчество известно далеко за пределами Пермского края, подошли не с пустыми руками – у каждого в творческом багаже не один десяток произведений, книг и рукописей..

7 февраля 1954 года в городе Молотове, ныне Перми, родился Евгений Иванович ФИЛЕНКО – писатель-фантаст, член Союза писателей России (2004), кавалер ордена Достоевского II степени (2013), лауреат литературных премий «Бронзовая улитка» (2007) и «Большой Зилант» (2003).

Получив среднее образование в пермской школе № 77 и высшее экономическое в Пермском государственном университете, ныне ПГНИУ, Евгений Иванович работал на моторостроительном заводе, трудился в банках, книжном издательстве, редакции газеты «Пермские квартиры». Параллельно с учёбой и работой занимался музыкой – организатор и участник нескольких ВИА. Был членом правления Пермского клуба любителей фантастики «Рифей». Публиковался с 1964 года (газета «Пионерская правда»). Сотрудничал с редакциями журналов «Вокруг света», «Даугава», «Изобретатель и рационализатор», «Спутник», «Студенческий меридиан», «Уральский следопыт» и другими. Произведения Евгения Ивановича, который живёт в Перми, переведены на английский и венгерский языки. И. Е. Филенко – автор книг «Сага о Тимофееве», «Звёздное эхо», «Отсвет мрака», «Бумеранг на один бросок», «Шествие динозавров», «Шестой моряк», цикла романов «Галактический консул»: «Гребень волны», «Гнездо Феникса», «Эпицентр», «Блудные братья».

17 февраля 1964 года в городе Кудымкаре, ныне Пермского края, родилась Анна Юрьевна ИСТОМИНА – коми-пермяцкая поэтесса, член Союза писателей России (1994), лауреат литературной премии финского общества М. А. Кастрена (1997), Коми-Пермяцкой окружной премии имени А. Зубова (2008).

Образование Анна Юрьевна получила в средней школе № 8 Кудымкара, в Коми-Пермяцком сельскохозяйственном техникуме, в Литературном институте имени А. М. Горького. Жила и работала в Перми, в Литве. В настоящее время – в Кудымкаре. Была инициатором создания и главным редактором детского журнала «Силькан»/ «Колокольчик» (1993–2005). В 2004–2007 годах возглавляла Коми-Пермяцкую организацию Союза писателей России. В 2009-м была избрана членом правления (секретариата) Союза писателей России. Публиковалась с 1981 в различных газетах, журналах, альманахах, сборниках. А. Ю. Истомина – автор поэтических сборников и книг «День рождения», «Корни и крылья», «Белые птицы», «Страна Абу», «Они придут...», «Загадка чуди, или О чём рассказывают коми-пермяцкие предания и лексика, фамилии и географические названия Урала», «Мальчик из зеркала».

24 марта 1954 года в деревне Большое Сидорово Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа, ныне Пермского края родился Фёдор Степанович ИСТОМИН – коми-пермяцкий поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей СССР/ России (1988), лауреат премии Пермского комсомола (1986), Коми-Пермяцкой окружной премии имени А. Зубова (1995).

Окончив среднюю школу и Литературный институт имени А. М. Горького, Фёдор Степанович работал на заводе, в редакции окружной газеты, руководил Коми-Пермяцким отделением Пермского книжного издательства. В качестве собственного корреспондента многие годы посвятил краевой газете «Звезда». Был литературным консультантом Пермской областной писательской организации, избирался ответственным секретарём Коми-Пермяцкой организации Союза писателей России, членом правления Союза писателей России. Произведения Фёдора Сергеевича переведены на несколько языков, публиковались в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках. Ф. С. Истомин – автор поэтических сборников и книг «Капля солнца», «Снежинки», «Забытое поле», «Олёна», «Утренние снегири», «Счастье и боль», пьесы «Хоть плачь, хоть смейся», поставленной на сцене Коми-Пермяцкого окружного драматического театра.

Друзья, коллеги и читатели дорогих писателей со славными датами и желают им здоровья, долголетия и новых литературных находок, которые обязательно должны превратиться в новые книги!

■ СЛОВО РОССИИ

Мария АВБАКУМОВА,
Союз писателей России,
г. Москва

Ой ты, белая берёза,
До чего ж ты хороша.
Мы стоим с тобой в обнимку –
Высветляется душа.
(Частушка)

«Плакала Таня, как лес вырубали.
После грузили, везли, продавали.

Всё бы ничто, и зачем эти слёзы,
если бы не были это берёзы.

Только берёзы одни вырубались;
в новые замки они отправлялись.

Есть, появился особый народ:
всё ему срубят и всё он возьмёт.

Жарко сгорают берёзки полешки –
словно бегут молодые олешки.

Плакала Саша, как лес вырубали –
словно бы свечи в лесах задували.

Вот он, берёзю полный состав,
мчится, на части страну раздраз.

УСПЕШНОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ!

В последние годы, с нашей писательской точки зрения, в Пермском крае обозначился многообещающий проект «Пермская библиотека». Благодаря этому проекту региональная современная литература получила возможность сразу выходить к читателю, минуя многолетние издательские скитания.

Окончание на стр. 2 ►

■ ВРЕМЯ

Николай ПОЛОТЫННИКОВ,
Союз писателей России,
г. Ульяновск

РУССКАЯ БИБЛИЯ

– 1 –

Так повелось ещё с Петра I, что русских людей со школьной скамьи приучают смотреть на всё своё национальное и природное русское через чужие очки. Эта метода обучения и воспитания стала доминирующей и в наше время, поскольку доморощенные либералы уверены, что в сфере наук об обществе русские не создали ничего своего и вынуждены повторять во всём европейцев, учить их философию, историю, социологию и прочие гуманитарные науки.

И хотя это мнение не соответствует

действительности, именно оно усиленно насаждается в народе, который обладает своей БИБЛИЕЙ, вобравшей в себя все смыслы русского бытия. Во многом именно она открывает человеку Бога в правде и красоте. Речь, конечно, идёт великой русской литературе, которая должна рассматриваться как учебник жизни, в коем есть и философия, и история, и социология. И всё это сотворено на русский лад и во имя сохранения на праведном пути русского народа – мученика во Христе.

Крестный путь наших пращуров начался задолго до официального принятия христианства, и тому подтверждение первая книга Русской Библии – устное народное творчество (сказки, загадки, пословицы, песни), в которых художественно запечатлён нравственный идеал русского народа, предвосхитивший многое из заповедей Спасителя. Вторая книга – бытынская (былины, исторические повести, жития). Третью книгу Русской Библии создали писатели классики XIX века.

– 2 –

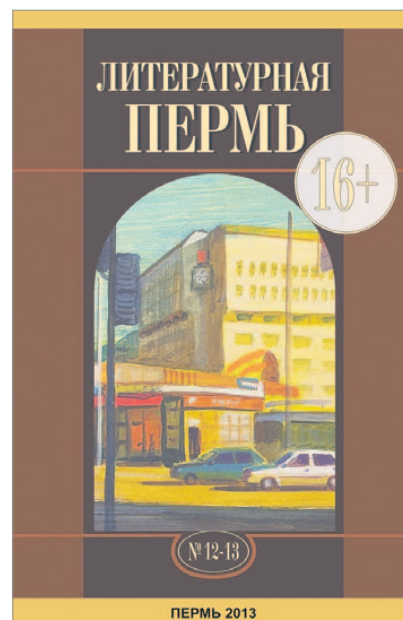
На эту направленность русской клас-

сики к высшему ещё в 1846 году обратил внимание Н. В. Гоголь:

«...Вновь повторяю то же самое: в лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твёрдый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости. Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснётся он высоких предметов» («О лиризме наших поэтов»).

Надо сказать, что этому определению соответствуют не только русские поэты, но и прозаики, и драматурги, и критики, поскольку все они творили в состоянии «верховного торжества духовной трезвости», которое стало развеиваться в начале XX века. Из поэзии исчезли сакральные понятия – Бог и Царь. Пройдёт немного времени и исчезнет Россия, начнутся глумливые гонения на Пушкина, на русскую культуру.

Окончание на стр. 2 ►

■ ВРЕМЯ

РУССКАЯ БИБЛИЯ

◀ Окончание. Начало на стр. 1

Тусклый закат русской литературы оживил А. Блок поэмой «Двенадцать», но она так и останется непонятым завещанием последнего русского поэта. Хотя читается однозначно: двенадцать вооружённых красногвардейцев были воплощённой в них Божеской Справедливостью, к коей взывал угнетённый народ целое тысячелетие своего феодального плена и которую в наши дни не признают ни вся президентская рать, ни православная церковь.

Сегодня в России на Справедливость ополчилась разнородная публика – от отечественных недоумков до выпускников ведущих университетов США. Но самыми рьяными её хулителями стали русскоязычные писатели, ставшие в одночасье «чёрными человечками» русской литературы, превратившие русскую словесность сначала в гешефт, а со времён хрущёвской «оттепели» – в таран по разрушению социалистического государства.

– 3 –

В общем виде, русскоязычность – это целенаправленная подмена основополагающих смыслов бытия.

Правда подменяется ложью, прекрасное – безобразным, героизм – предательством, добродетель – извращением...

Русскоязычность в каждом отдельном случае – это изощрённое душегубство, когда человека лишают, пользуясь, как скальпелем русскоязычной лжекультурой, защитных оболочек стыда и совести, что и умерщвляет его душу. Русскоязычность в общественной жизни – это ублюдочный либерализм российского пошиба, который опешивает всё настоящее, деятельное и жизнелюбивое.

Во многом русскоязычных писателей власть поддерживает и неспроста, потому что они являются её пособниками по переформатированию сознания русского народа в соответствии с требованиями рынка. А это означает его превращение в толпу потребителей, не осознающих, что человек есть творение Божие и путь к Спасению находится не на торжище, а в нём самом.

Сегодня русский человек одинок как песчинка. И в какую сторону он ни поглядит, до чего ни дотронется – всюду натывается на ложь, поскольку ложью русскоязычности отравлен единственный духовный источник его бытия – культура. И в этом утверждении нет полемического пре-

увеличения, поскольку все массовые искусства имеют литературную основу, и русскоязычная ложь рассчеловечивает и оскотинивает людей через средства массовой информации, эстраду, и власть осознанно попустительствует необратимому духовному разложению русского народа.

Путь духовного возрождения России всего один: надо раз и навсегда отделить русскоязычную ложь от русской правды, русскоязычную лжелитературу от русской литературы, русскоязычную лжекультуру от русской культуры. Для этого у народа есть свой эталон – его великая русская БИБЛИЯ.

– 4 –

Критики и литературоведы рассматривали советскую литературу как продолжение литературы классической, но Библию нельзя бесконечно продолжать.

«Пегас кончился», – сказал Маяковский сталкивавшему его к хвосту коня Блоку.

В XX веке писатели долго цеплялись за хвост Пегаса, но никому не удалось его оседлать. И не потому, что не было талантов. Просто не стало Бога. Исчезло ощущение целостности бытия...

■ НЕОЖИДАННО

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ

«Текст – это некоторые воспоминания о детстве. Основная идея заключается в том, что любовь к родине закладывается в детстве. Но такой парадокс, что детство всё дальше, а родина всё ближе и наоборот», – сказал (пожалуй, самый известный писатель Прикамья XXI века) Алексей Иванов.

Речь идёт не о его новой книге, речь – о Всемирной акции по проверке грамотности «Тотальный диктант».

Возникшая время назад, благодаря студентам Новосибирского государственного университета, акция эта ныне будет проходить почти в 300 городах не только России – всего мира (заявки подали представители 50 стран). Участие в ней добровольное.

Ради чего всего это? Самый поверхностный ответ: проверить собственную грамотность. Другие ответы глубже.

Тот же Алексей Иванов, чей текст станет эталоном акции, текстом «Тотального диктанта», подчеркнул: «Главным национальным ресурсом остаётся русский язык, и наша задача – превратить проблемы русской речи в некие интерактивные явления». И это не конечный ответ.

Чтобы попытаться разобраться в «диктанте» (ну, или хотя бы в самом себе), нужно всего лишь зарегистрироваться на сайте: totaldict.ru и дожидаться 12 апреля (именно в этот день пройдёт Всемирная акция, лицом которой станет пермский писатель Алексей Иванов).

Анна СНЕГИНА,
г. Пермь

■ ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

Иван ГУРИН,
Союз писателей России,
г. Пермь

ОКРЫЛЁННЫЙ ПРОЗАИК

За прозой Василия Тихоновца, живущего в городе Чайковском, я слежу давно. Его произведения, издаются не только в сборниках и альманахах Пермского края, но и в Екатеринбурге, Вологде, Санкт-Петербурге, публикуются в интернет-журналах «Эрфольг», «Подлинник».

В 2012 году в Торонто вышел роман Тихоновца – «Пассажир с «Окрылённого». Канадский издатель Борис Кригер, готовивший книгу к печати, назвал её «интереснейшей».

Я вчитывался в «Пассажира...» с чувством доброй раздвоенности, ощущая себя и в реальном близком мне мире, и в каком-то дальнем от меня, незнакомом пространстве. Я видел себя и в таёжной разваливающейся коммуне «Северная Гармония», и в атмосфере современного бытия: в стране олигархического режима. При этом я затруднялся определить, что читал: то ли детектив, то ли фантастику, то ли мемуары. Долго, однако, не гадал, и определил это явление как синтез жанров, обогащающих архитектуру романа, подчинённую честному исследованию природы человека с помощью моделирования различных обстоятельств.

При чтении романа, пронизанного любовью к своей земле, природе, ко всему отеческому, я ловил себя на мысли, что он – плод собственного жизненного опыта автора и его размышлений о мироустройстве.

В «Пассажира...» немало литературных достоинств. Одно из них – полифоничность. Автор вместил и реалии сегодняшнего дня с историческими ретроспективами, и истинную любовную лирику с философскими отступлениями. Они органичны и не перегружают произведение. Наоборот, позволяют полнее погрузиться в разнообразный мир – от Баку до Нижней Тунгуски.

К достоинствам романа относятся: и сама живая ткань добротной прозы, и метафоричный, афористичный язык, и умение автора строить сюжет, увлекающий читателя.

Роман, несмотря на наличие элементов фантастики, поражает своей правдивостью, достоверностью. Раскрывая внутренний мир героев, автор побуждает читателей к размышлению о смысле жизни, любви, природе счастья и вечной человеческой неудовлетворённости. Наряду с героем, читатели через массу возникающих ассоциаций проживают, переживая, и свою собственную жизнь. Этот роман, по мере его чтения, и мне становился ближе и родней оттого, что отдельные мысли и образы совпадали с моими. Многие из них запоминаются: «Любые революции рабов изменяют только форму общественного устройства, но не меняют рабской психологии», «Каждый мужчина имеет право на мысленное раздевание женщины».

Художник слова, Василий Тихоновец, продолжающий традиции русской классической литературы, – в первую очередь И. А. Бунина, – обладает талантом живописания бытия. У него и незначительные детали становятся символами. Одним из таких символов стало сухое русло речки Нижней Тунгуски, текущей в глухой тайге, и внезапно уходящей под землю и оставляющей сухое русло. По нему когда-то главный герой шёл с другом Иваном, и они, неся на плечах лодку, надеялись, что река где-нибудь снова появится из-под земли. Вот так же внезапно, как та речка, уходят на тот свет и друзья героя, который уже много лет продолжает в уме их прервавшуюся жизнь и бредёт как бы по её сухому руслу и несёт в душе чувство своей вины.

Среди друзей не стало и Ивана, убившего однажды лебедя и лебёдку. Но не о нём плакал герой романа и не от жалости к Ольге и к её осиротевшим детям. Он оплакивал, сидя с вдовой за столом в избушке, «огромный кусок жизни, который оказался не репетицией, подготовкой к чему-то настоящему и прекрасному. Этот кусок прошедшего времени был самой жизнью нелепой и странной, тяжёлой и страшной, и такой неожиданно короткой...»

Да, мир оказался жестоким, но главный герой не ожесточился. Он, как прежде, никогда не сможет ударить слабого человека и не совершит какую-либо другую подлость. Однако прекрасный человек, полный желания сделать мир лучше, справедливый, так и остаётся на распутье, не в силах что-либо изменить, и потому превращается в дикого лебедя и оказывается в вольной стае птиц, рядом с той же Ольгой и тем же Иваном. При этом он не теряет веры в то, что иные поколения людей всё же построят на всей земле «разумную гармонию».

Этот роман можно отнести к лучшим образцам русской прозы, и он достоин самой престижной литературной премии.

■ СЛОВО РОССИИ

УСПЕШНОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ!

◀ Окончание на стр. 2

А ведь сегодня в целом русская литература переживает далеко не лучшие времена, потому что в обществе исчезло и понимание её исключительно важного значения для всех видов искусств (драматургии, кино, изобразительных искусств и почти всех видов музыкальных жанров), которые почти всегда создаются на литературной основе. Всё русское искусство выросло и продолжает возрастать из литературы, говоря проще, из писателей, обитающих не только в столицах, но в провинциях, где крайне трудно опубликовать свое произведение и начинающему автору и состоявшемуся писателю.

Кажется, Пермь в этом отношении – счастливое исключение. В моей домашней библиотеке есть некоторые пермские издания, начиная со сборника «Молодой человек», который стал выпускаться где-то с начала 1960-х годов. Его вполне можно считать предтечей нынешнего альманаха «Литературная Пермь», который, к слову сказать, привлекает объёмным и взвешенным содержанием. Это говорит о том, что пермские литераторы легко могут «потянуть» и полноценный литературный журнал, но при этом очевидно, что альманах писателей Пермского края решает свою неповторимую задачу.

Многое познаётся в сравнении. Я уже восемь лет издаю журнал «Литературный Ульяновск», но, познакомившись с пермским альманахом, готов признать, что он во многом живее, интереснее, я бы сказал, «литературнее» ульяновских изданий. Это объясняется более высоким уровнем пермских писателей. Мне как главному редактору приходится ломать голову над тем, где найти тексты, соответствующие заявленному уровню издания. Чтобы пересчитать ульяновских писателей, способных написать дельную прозу, достаточно пальцев одной руки. «Литературная Пермь» имеет гораздо больший творческий актив, и его нужно из всех сил сохранять и приумножать.

И последнее. Если сравнить «Литературную Пермь» с другими региональными изданиями, то обращает на себя внимание высокая издательская культура исполнения издания. И художественно-графическая подача, и рубрикация текстов, и всё другое – всё выполнено умно, взвешенно, с большим художественным вкусом.

Желаю «Литературной Перми» столь же успешного продолжения в 2014 году.

Николай ПОЛОТНЯНКО,
лауреат Всероссийской литературной премии имени И. А. Гончарова,
г. Ульяновск

■ БАЗА АПА

Галина ЧУДИНОВА,
кандидат филологических
наук, г. Пермь

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА

о книге Натальи Совы
«Когда звёзды не жмурятся»

Разнообразен и широк спектр идей, жанров, стилей и литературных направлений в издаваемой по инициативе Союза писателей «Антологии пермской литературы». В недавно вышедшем в свет пятом томе опубликованы рассказы и роман Натальи Владимировны Белоусовой, взявшей себе литературный псевдоним «Сова». Книга рассчитана на школьников среднего и старшего возраста, а также на взрослых читателей. Ранее Наталия Сова публиковалась в сборниках и альманахах «Литературная Пермь», «Новые писатели», «Пролог», журналах «Лавка фантастики», «Огонёк», «Фантом», газете «Пермский писатель». Пятый том антологии, несомненно, даст целостное представление об удивительном таланте писательницы.

Чем необычны рассказы Натальи Совы? В каждом из них реально-бытовое пространство и время органично перетекают в условно-фантастическое. Девочке Кате, живущей без мамы вдвоём с отцом-предпринимателем, видится

во сне «склонённое над ней улыбающееся женское лицо, обрамлённое золотистыми волосами, сияющее от радости», и в маленькой творческой работе она пишет, что любит своих родителей. Школьник Лёшка дарит младшей сестре Маринке синий воздушный шарик, рвущийся улётеть ввысь, повторяя ей папину мысль, что постоянное стремление обязательно приведёт к победе. «Стремление» шарика помогает девочке выздороветь. Дети, выбрав подходящий момент, выпускают уже сморщенный синий шарик на волю, а чуть позже вдогонку «старичку» летит ещё один – жёлтый, молодой. Мальчик Данька в загородном походе находит родственную душу в девочке со светлыми хвостиками, которая любит звёздным небом, и она понимает его фразу: «Здорово, когда звёзды не жмурятся».

Писательский талант Натальи Совы – это отточенное мастерство стиля, языка, художественных деталей, пейзажных зарисовок: «Небо сияло. Столько звёзд Данька не видел нигде и никогда. Огромные, яркие, мерцали они над лесом, близко-близко к земле. В глубине неба рассыпью сияли светила поменьше, а ещё дальше светилась тончайшая звёздная пыль». В финале рассказа «Счастливые» происходит маленькое чудо: мальчик, наделённый редким волшебным даром воздействия на природу, направляет на огорчённую свою маму тонкий лучик солнца, чтобы лицо её «светлело и отогревалось». Не менее значима в рассказах писательницы и символика вещей. В рассказе «Прошлый день рождения» это маленький чёрный шарик из обсидиана и чашка из тонкого фарфора, которые позволяют героям совершить мысленное путешествие в

лучшие дни их юности. «Магазин здорового смысла» – тонкое, неуловимое сочетание юмора, иронии и фантастики. Приобретённые в магазине таинственные брикетки здорового смысла оборачиваются в квартире героини постоянно горящими волшебными огнями: «Польза от огней несомненная – большая экономия на электричестве и редкостное эстетическое наслаждение». Это эстетическое наслаждение испытываешь от чтения лучших рассказов Натальи Совы.

Наряду с этим хочется отметить, что в цикле произведений «Оберг», «Оэл-менестрель», «Лики стражей» писательница создала своеобразный фантастический мир, нашедший прямое продолжение в романе «Королевская книга». Мир этот создан в традициях книг Джона Рональда Толкиена, где добрым существам хоббитам и их друзьям противопоставлены обитатели Мордора – страны тотального зла. Угадывается здесь и косвенное влияние «Розы Мира» Даниила Андреева, сотворившего, как и Толкиен, собственную мифологию. Флангер, Антар, Даутгер, Эльг, Изсоур, Порубежье – таковы географические обозначения этого северного, нордического мира. Зыбкая грань отделяет его от реалий современной Перми: главные герои то и дело совершают путешествия туда и обратно, имеют свои двойников. Идея романа – возможность снимать посредством художественного творчества некое Великое Заклятье – носит весьма условный, расплывчатый характер, как и противостояние некоего Клуба и Центра. Писатель Ирина, сделав несколько торопливых записей в Королевской книге, мирит мужа и жену, сама обретает женское счастье, помогая

одновременно обитателям Антара. Даймон Серафим, опекающий Ирину, он же мудрец Таор Арнет из Антара, призван вовремя выводить авторов из творческих кризисов. Созданные Совой мифы подводят читателей к мысли, что «записи отражаются на судьбах тех, о ком пишем, всё сбывается в других местах».

Несомненно, что любой талантливо написанный текст так или иначе служит силам добра или зла, но увлечение языческой мифологией не шло и не идёт на пользу русскому человеку, так или иначе вобравшему в себя традиции отечественной культуры, основанной на православии. Поэтому вторая часть книги оставила у меня двойственное, неоднозначное её восприятие. И всё же незаурядное художественное мастерство Натальи Совы не оставит равнодушными её читателей.

■ ПЕРМСКАЯ БУКА

ЖИВОЕ-НЕЖИВОЕ

Когда в Пермскую краевую библиотеку имени Льва Ивановича Кузьмина, что находится практически в центре Перми на улице Сибирской, 11 приходит журналисты, это волнительно для всех, даже для директора Маргариты Викторовны Урих, хотя она посвятила работе в культуре практически всю свою жизнь. А волнительно – потому что радостно. Радостно за библиотекарей, радостно за читателей, радостно за талантливых ребят, которые занимаются в Клубе Юных Сказочников.

Недавно это название – Клуб Юных Сказочников – прозвучало сразу в нескольких телерепортажах. Текст с экранов телевизоров начинался примерно так: «Подобрать рифму, придумать сюжет, разбить большое слово на много маленьких... Так и рождаются первые произведения юных авторов. В Перми для всех желающих работает Клуб Юных Сказочников».

Действительно, Клуб работает для всех ребят, желающих научиться писать сказки, стихи, рассказы... Правда, учиться – это труд. Это сложно. Быть писателем – значит, много знать и уметь. Знать (в первую очередь!) родной язык, много слов. И вот с этого-то, со слов, с пополнения словарного запаса начинаются занятия.

«Во что играем, в живое или неживое?» – спрашивает руководитель Клуба, профессиональный писатель, член Союза писателей России Андрей Сергеевич Зеленин у ребят, пришедших на занятие. И они отвечают: «В живое!» И возникает цепочка слов: «Человек-кошка-аист-тигр-роза-альпинист-тополь-лошадь». А потом

цепочка из слов-«предметов»: «Стол-линейка-автомат-трактор-ручка-аккордеон-носок». А потом рождаются рифмы: «Птица-синица-лисица-куница...»

А на индивидуальных занятиях, где игр уже нет, а есть настоящее творчество, рождаются настоящие произведения.

Например, Лера Шарапова, ученица 3 «а» класса детского сада-школы № 5 написала стихотворение:

МОЙ ХОМЯЧОК

*Джимми – маленький дружок –
Любит кушать творожок.
В лапки творожок берёт –
С удовольствием жуёт!*

Своё стихотворение родилось у Насти Астраханцевой, четвероклассницы гимназии № 4:

КОШКИН ОБЕД

*Однажды мама-кошка
Готовила обед.
Почистила картошку.
На что? На винегрет.*

*Почистила картошку
Она ещё в окрошку,
Ещё в пюре немножко, –
Картошки больше нет.*

*Тогда решила кошка,
Что делала обед:
Возьму ещё моркошку
На тот же винегрет,*

*Возьму ещё моркошку,
Чтоб положить в окрошку,
А вот в пюре моркошку
Не положу, нет-нет...*

*К полудню мама-кошка
Сготовила обед:
Пюре, к пюре окрошка,
К окрошке винегрет!*

А ученица 2 «б» класса школы № 2 Вера Башкеева выдала рассказ:

СИДЕЛА Я НА СТУЛЕ

Сидела я на стуле, смотрела на стену. На стене дерево нарисовано. На дереве листья растут, буквы висят (так художник на одной из стен библиотеки нарисовал), две совы сидят. Одна сова спит, другая смотрит – делает вид, что в сторону, а на самом деле на меня. Думает сова: «Какая девочка большая. Наверное, вкусная. Вот бы её съест!» Испугалась я, соскочила со стула и убежала. Да и как не убежать, вдруг на самом деле съест?!

Ученица 7 «б» класса школы № 65 Даша Шилова стала соавтором писателя А. С. Зеленина и выпустила свою первую книгу, которая называется «Родной мой Васька». В книге семь рассказов про самого настоящего кота, который живёт у Даши дома, но не это главное. Главное, что эта книга – настоящая, профессиональная, живая. И она уже есть во многих библиотеках Пермского края и на руках самых разных читателей – маленьких и взрослых. И как самая настоящая книга, а не наивное и безграмотное творчество огромного количества самодельных авторов, она не приносит вреда – она веселит, радует, заставляет думать, учит.

Анна СНЕГИНА, г. Пермь

1–2. На занятиях в Клубе Юных Сказочников

■ ИВАН БЕРДНИКОВ

НЕЗАСТЕКЛЁННАЯ ОРАНТА

Два берега: трава седеющая – два
Холма в борьбе за перемену мест, –
Ночные мотыльки, свеченье, вечный треск.
И музыка... И музыка мертва.
 Оттенок серебра под диафрагмой нот
 На выдохе вдруг оказался вне
 Реки. Мои глаза на чёрной простыне
 Вычерчивают местный небосвод.
Зарёванный портрет затянут в облака
Над звездными излучинами дней:
Она ушла скорбеть, и, прокатясь по ней,
Прозрачная смола росит века.
 Так всё вокруг молчит, что именем своим
 Немой рискует выдавить клеймо
 На небе. Переплёт моста меж двух холмов –
 Надёжен. Там, где этот мост стоит,
Слова не различить... Но тихий-тихий звон
Отлаженной струны хребет реки
Раздвинул пополам – в разрезе позвонки, –
И в страхе – слух, коснувшийся его.
 Приблизившись к душе, пришедшая в волнах,
 Дотронься до безглазых этих нор!
 И запахом слезы она рождает скорбь
 О несвершённых слепотой грехах.
Мне болен этот крик, как этим криком – я...
Мне клетью взора света не вместить.
Но кто-то есть со мной – за тем, чтобы простить, –
Не самая святая, но моя.

СВАДЬБА

Ночь завивается в тонкую линию...
Смерть моя – медленна, тень моя – длинная;
Осень затянута бледными складками –
Синь моя медная, грусть моя сладкая...
 Спешка портовая, ложь привокзальная,
 Снег, проржавевший на кромке асфальтовой.
 Дом, вскинув руки, взвертел обручальное
 Серое месиво в ритмике вальсовой.
Кружится, кружится, кружится,
По циферблату змея многолетняя.
Грязными тряпками падает в лужицы
Вечная мёртвая синяя медь моя,
 Падает, падает, ждёт и волнуется
 В снежной весенней оплавленной улице.
 И вспоминается, сбросив препятствия,
 Юношу двигая в долгое странствие
Через пустыню, связуемую листьями
С сонмом покойников, гордых наличием
Имени, дат, плит, наследия, истины –
Глупой, наивной, а всё же привычной им.
 Через бессмертие, через прощание,
 Через заветное, через безбожное,
 Через проклятое это венчание –
 К чёрт его знает чему невозможному!
Чайными русско-китайскими тропами
И сигаретно-кофейными трипами
Я уведён в небывалые местности
Скрытой в неведомом мертвенной медности.
 Ночь насадет на сердце, завитая
 Вьюгами вешними в синее лезвие.
 Ночь насадет на сердце забитое,
 Как на причину – взбешённое следствие.
Вижу её, в тонких пальцах зажатую!
Вижу под саваном деву, готовую
В медных объятьях забыть про поддатую
Ложь привокзальную, спешку портовую...

■ АННА БЛИНОВА

Ночные клубы вибрируют от тоски.
Негласные правила, неравнозначные перекрёстки.
Если специи, то чёрный перец и лавровый лист.
Если знаки, то, видимо, некому их прочесть.
Город скорчился у реки, как ненужный доспех у дороги,
Над рекой часовыми встают бесцветные радуги
И своей бесконечностью развенчивают мосты.
Наши лица в толпе – лепестки на холодной воде –
Скоро будут на дне забвения; так и эти дни,
Для тебя последние в городе вечной осени,
Представляют собой лишь обратный отсчёт красоты.

Что остаётся от сказки потом, Додо,
После того, как её рассказали? Вода,
Море волнуется в темноте, когда
Свет включили в зрительном зале.

Море возможных тем и непрожитых карм
Льётся тёмной материей по щекам.
Мы неподвижно сидим, на губах вкус соли.
Как и было предсказано, ты невредим,
От меня остаётся дым, воскуренный фимиам,
Жертвенный запах цветущих лилий,
Соль плюс вода в реторте.
...Знаешь, когда мы встретимся после смерти,
Я уже никому тебя не отдам.

Дом, стоящий к ветру спиной,
С нарисованными дверями,
В окна выброшенными якорями,
Дом спящий.
Загораются в небе одна за одной...
Сон слаще,
Когда ты со мной
На одном корабле ночном,
На котором вдвоём
Можно резать простыни на полоски, плести
Невесомые лестницы для ночных гостей,
Морские канаты,
Как воздушные акробаты,
Балансировать на шесте.
Если придёшь,
Будет рук не разнять, не распутать взглядов
На зеркальной поверхности;
Буду слушать как дышишь,
Как внутри становится громче,
Снаружи тише.
Так что лучше не надо,
Отпусти.

■ ДЕНИС ГОЛИКОВ

Счастья слишком много –
потому тоска.
Нету рядом бога.
Но жена близка.
Дочка спит в кровати
и сопит чуть-чуть.
Этого мне хватит,
чтоб не двигать в путь.
Этим милым лицам
сдался в милый плен.
Будет только сниться
пение сирен.
Дальние дороги,
горы, облака...
Детские тревоги.
Женская рука.

■ МИТЯ КРУЗЕ

ПРОВОДА

всё заканчивается.
так же, как заканчиваются ноты в песне.
или быть может вы слышали музыку,
которая поёт без конца?
настораживает слогонца,
а точнее, вырабатывает вкус безысходности.
нет смысла менять время на почести.
ведь по сути – мы все оголённые провода,
которые никогда
и нигде не строили цепь.
короткие замыкания в нелепой проводке –
вот наша цель.
автоматически.
от минуса к плюсу.
от полюса и до полюса.
из самого низу и в самый верх конуса.
и слева направо.
и с красной строки.

■ АНДРЕЙ ЛАПИЦКИЙ

Комары-геологи
Бурят в коже скважины.
Я – месторождение!
Под небесным пологом
Ходим, будто сквашены, –
Сонные движения.
Расскажи историю –
Дай понять, что временно
Наше ожидание,
Что уедем к морю и
Грусть раздавим хересом,

И в костре сжигать её,
Будто ведьму старую
Будем в ночи длинные.
Море безграничное,
Солнце льётся квантами,
Херес льётся литрами.
Не оптимистично ли?
 Здесь – другая песенка,
 Здесь весна, распутица.
 Я – энергостанция.
 Лузеры не лечатся.
 Ничего не сбудется,
 Так всё и останется.

Да не грущу я нифига,
но, по совету Мураками,
чтоб написать стишок о Каме,
мне нужно море с облаками,
а не уральская тайга.
 Смешать самбуку с калуа
 (не как обычно, водку с пивом),
 качаясь в лодке на Мальдивах,
 и слышать «ай лав ю май диа»,
 а не «гарсон пардон муа».
Тогда, вдали от Бахарей,
от гонобобельных болотец,
где сосны, будто в янтаре,
в закатной тонут позолоте,
где избы пятятся в леса,
шурша листвой, дыша на ладан,
и где счастливого конца
отнюдь не надо, –
вдали от этого всего
однажды утром обнаружу
ряжи, деревню, блеск снегов
внутри себя, а не снаружи...
 И тут, естественно, легко
 на гладь листа польются строки,
 как стая рыб в речном потоке,
 минуя Вишеры пороги,
 вплывает в Каму косяком.

...Мои мечты прервёт комар
укусом в правую конечность –
и моментально канут в вечность:
мальдивский бархатный загар,
моря в лазурных берегах
под тетивой тутого неба
и музы, что бегут от Феба.
И не грущу я. Нифига.

■ АНГЕЛИНА ПЯТНИЦКАЯ

КАК ДЕТИ

Простые движения.
Не скованы руки.
И больше нет места печали и скуке.
 Дыши полной грудью.
 Приди, вдохновение!
 Ведь есть для тебя – нет, не миг,
 Но мгновение.
Искусство подскажет, как жить в повседнестье.
Искря, воплощая идеи взросления.
Старея, смеясь и попутно отметив:
Каждый миг проживай так,
как будто мы дети.

■ ОЛЯ ШКОЛИНА

Не грусти за меня, мама,
Что по жизни я буду нервная.
Не стою ни второй и ни первой я.
У прилавка с раздачей ума.
Не грусти за меня, мама
Я заточена волею строгою.
И не быть мне сухой и жестокою,
Среди этого праздного бала.
Не грусти за меня, мама,
Что я не внутри, а наружу всё,
Всё плохое и всё ненужное
Тебе в крике своём рассказала,
Не грусти, но мне этого мало,
Мало жизни ещё не изученной,
Только время по капле мучает,
Возвращая всё время в начало.
Не грусти за меня, мама.

Студия «Дом чекиста» существует около полу-года, за это время её посетили около сорока разно-шёрстных (от панков до аспирантов) людей, а те, кто ходили более-менее регулярно, совершили неболь-шой экскурс в море мировой и современной поэзии. Для чего же ещё существуют поэтические студии, кроме того как говорить о поэзии? Мы разбирали стихи Р. Фроста , С. Гандлевского, Н. Гумилёва, О. Ман-дельштама, А. Ерёменко и многих-многих других. Говорили о форме и содержании, работе с образом, тексте, подтексте, структурализме, системе тропов и т. п. Конечно, разбирали стихи друг друга. Были поэ-тические удачи и озарения. Кто-то написал хорошее стихотворение, кто-то окончательно сошёл с ума. Как бы то ни было, спустя полгода, мы продолжаем.

Студия открыта и приглашаются все желающие. Те, кто сам пишет, и те, кто просто интересуется сти-хами. Кто желает понять, что такое настоящие стихи (крик души), а что подделка – имитация. Кто хочет научиться читать поэтические тексты и мыслить об-разно. Все, кому интересна поэзия.

Владимир КОЧНЕВ, руководитель.

Андрей ЛАПИЦКИЙ – личность в поэтических кругах известная. Хотя как поэту ему, на мой взгляд, ещё предстоит расцвести, но для этого у него есть всё необходимое. Андрей очень точно чувствует стиль и умело, тонко обращается со словом. Также, признаем-ся, он умён, и, что очень важно, умён именно в стихах (явление сейчас не столь частое). Его лирика – лирика умного рефлексирующего человека.

ЯКОРЬ

Поднимаясь вверх по трапу
На сверкающий корабль,
Ты сними с груди свой крестик
И сожми его в ладони,
Чтоб теплом согреть телесным.
Пусть тебя никто не тронет –
Защитит тебя твой крестик
В поднебесной. Якорь, в море
Плавно, мерно опускаясь,
Тонет в медленной пучине
И, на дно ложась послушно,
Ждёт, пока упругим звоном
Цепь его натянет сверху –
И в железном чёрном сердце
Что-то дрогнет, колыхнётся.
Он поднимется, окрестит
Под протяжный вопль корабль.
И родной отнимет берег,
Оторвёт от мест любимых
Мощь железного винта...
Подними меня из бездны.
Я твой якорь. Я твой крестик.
Пусть он грудь твою окрестит...
И тогда уж с Богом! В путь!

Евгений ГУСЕВ – в каком то смысле наследник И. Северянина, человек, тонко чувствующий город и других людей, любящий жизнь и разнообразие. Его стихи обладают мощной жизненной поэтической концентрацией, которая в будущем, при правильном развитии обещает дать многое: жизнь, свет, празд-ник... Правда, последнее время появились в его стихах и нотки ностальгии.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОХЛАДА

Я пленник прохлады вечерней
Разгульной старушки Перми,
Осанку характерной стервы
Удерживают фонари.
И лавочки плющит изгибом
Твоих и моих ягодиц,
Плетут горожане интригу,
Подвыпивший город не спит.
Как пластырь на шрам поколений,
Накладывается темнота,
И всё что проспекты не спели,
Споёт на скамейках толпа.
И я, как восторженный мальчик,
За ритмом веселья слежу
Пускаю по ветру свой почерк –
Прохладе вверяю судьбу.

КАМАЗы перевозят тонны снега,
А мне воспоминания влачить,
Лепить из них стихи-головоломки,

Фигурки прошлогодней плотской ломки.
Сугробы – их до дна мне не испить,
Когда б они осели в водоёмы,
Морозы, израсходовав патроны, сдались.
И солнце растопить спустилось лёд,
Теплом, амортизируя сознания,
Я снова в ритме будничных забот,
Пускай КАМАЗы волокут воспоминанья.

Вячеслав ШЕВЧЕНКО, подобно остальным, пред-ставленным здесь, не первый год занимается стихами. Большую известность он (пока?) приобрел как бард. На мой взгляд ему особенно удаются стихи о любви, или (быть может) о её отсутствии. Как бы то ни было, в них он точен и нежен.

Кудрявый май. И ты. Твоя улыбка.
На полушарие смолёный свет изъят.
Галдящий сквер. И голуби. И зыбко.
Мир проявился через твой беспечный взгляд.
И над губами родинка. И сниться
Мне будет после твой прощальный поцелуй,
Смущённый свет свечей на наших лицах,
И розы. И мечтами по стеклу

Моя душа скользнула, и разбила,
И врезалась в седые облака.
Походкой полупьяного дебила
Я после шёл под эхо слов «пока».
Я шёл, а май писал чудные строки,
Которые я у него украл.
Смолёный свет спускался на востоке
И за моей душою улетал.

Я поставлю будильник на восемь,
Если за ночь, дай бог, не умру.
Вы курите. Я, знаете ли, бросил.
Доживу – закурю поутру.
Эта ночь только пискнула – смолкла.
Батарей. Открыто окно.
Вы пускаете облако смога.
И мне кажется – всё решено.

Я будильник верчу, как, наверно,
Маяковский вертел револьвер,
И копнусь в полумраке на дверь, но
Заперта. Что ж, окно – та же дверь.
Тот же выход, слегка радикальной.
Вы курите. Вы курите. Дым.
Что на сердце у Вас? Не тоска ли?
Так умрите, как я, молодым.

ПТИЦА

Когда-нибудь ты станешь белой птицей.
А я возьму гранёный карандаш
И очерчу им аэрограницы.
В них улица и дом, восьмой этаж.
Там по стеклу, как розовые слюни
Различных романтических баллад,
Стекают капли. Это кровь июня
Намокшего пернатого крыла.
Границы – те тебя не остановят.
Границы меньше неба больше нет.
Моё стекло – июня изголовьё.
Мой карандаш – бессмысленный предмет.
Когда-нибудь ты станешь белой птицей.
А я... Я стану как бы ни при чём.
Но, видно лишь затем, чтобы проститься,
Ты приземлишься на моё плечо.

Слава ХИСАМУТДИНОВ – человек эпохи Воз-рождения... поэт, музыкант, учитель русского языка и руководитель семинара по рукопашному бою... на се-минаре поэзии он оказался случайно, то есть ему бы самому уже можно было вести семинар, но раз ока-зался – вот его подборка. Слава уникально работает с образом, скорее не пишет, а рисует, его стихи апел-лируют именно к зрительному восприятию, хотя он умело воздействует и на другие рецепторы (слуховые, осязательные, вкусовые) человеческого организма. Его стихи надо именно представлять зрительно – они удивительно точно и подробно рисуют картину про-исходящего. Иногда эта зрительная яркость даже дей-ствует, на мой взгляд, в ущерб звуковой составляющей, над которой Слава также тщательно работает, соз-давая определённый речитатив и звук, делая рифмы намеренно неточными, смазанными, а ритм неустой-чивым, с яркой сменой интонации и неожиданными

перебивками. Некоторые его стихи нужно мастерски читать со сцены, точнее ставить их как маленькие постановки...

Синева перелилась через край,
подоконник опустел – ни к чему.
На заставленном столе календарь
мажет магией седую луну.
Подоконник опустел,
за стеклом
слышны шорохи воздушных дорог.
Кто-то вышел на асфальт босяком,
кто-то ждал, что снег пройдёт за порог.
Только в тонкой синеве – тишь.
И на полке запотевший бокал.
Колыбельная живых нищ,
Поперечина всего зла.
Сколько жди её
или не жди –
всё равно
на пороге – глушь.
В глубине нарождается жизнь
И уходит в колодцы луж.

Снег летит сквозь голоса церковного хора
на волосы маленькой девчушки,
на землю кладбища.
и спину моего терьера.
Пёс кружится, смех лежит в его глазах,
я знаю, что ему весело,
и он знает.

Через год он попадет под машину
А я разрежу палец в красное,
вспомнив сегодня.

БАЛЛАДА

1
В мире сером и вязком,
затянута тиной и ряской,
просыпается одна-одинёшенька,
садится, осматривается,
мигая часто.
Глядит, как облака отпускают птиц.
Тлеет редкая проседь осенних листьев.
Гроб хрустальный давно не блестит.
Принц – неизвестность назад погиб.

Может – разбился,
а может – случайный выстрел –
не важно.

А важно то, что кругом тишина
от кончиков пальцев
до горизонта.
Вышла одна из глубокого сна
после аборта.

Кто целовал эти бледные губы,
Кто согревал рук снег?
Кто доставал из чёрного саквояжа
хирургический инструмент?

2
Острые линии хрусталя
царапают тишину...

Может быть, он и любил тебя,
но помнишь улыбки кнут?
Помнишь, как пальцы, словно жуки,
кабаклись по груди?
Каждый укус их приятен был,
каждый смертельным был.

3
Эта стотонная пустота...
Сколько ещё дышать?
Сколько лежать,
сколько ждать, любя...
Или уже не ждать?..

Дни, извиваясь, ползут змеёй,
прячась, как в землю, в ночь.
Холодно утро встречать одной,
укутываясь в дрожь.

И не забыть, не уйти, не смять
этот звенящий пульс.
Где б ни уснула,
с утра опять
мёрзнуть в хрустальном гробу.
...В мире сером и вязком,
затянута тиной и ряской
просыпается...

Анатолий ГРЕБЕНОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

А ТЫ НЕ ВЕРЬ...

А ты не верь, что стал народ покорным!
Пусть вражьи орды рыскают везде.
Найди опору – родовые корни –
И утвердись в родительском гнезде.
Ходи-броди по дедовским опушкам,
Умой в ручье прозревшее чело.
И чтение – Евангелие да Пушкин –
Душе не надо больше ничего.
И как бы нас за горло не держали –
Найдём свои начала и концы
И всё-таки вернём свою державу,
Как в грозный час спасли её отцы.

Вся школа на линейку встала.
Мгновенно смолк привычный гам.
Навзрыд директор: «Умер Сталин...»
Нас распустили по домам.
Не помню, как я шёл из школы,
Отстав от сверстников своих,
Хоть заводила был и шкода,
Но дома скучился, притих.
Срядилась мать чуть свет за сеном.
В избе, огромной и пустой,
Казалось мне, я брошен всеми
С такой вселенскою бедой.
На русской печке у кожуха,
Где был мой терем-теремок,
Я плакал горестно и глухо
И горя выплакать не мог.
Как жить, как жить теперь мы станем? –
Душою детской не понять.
Не верил я, что умер Сталин.
А вдруг враги придут опять?
Летят-свистят года-кометы,
Прозренье позднее дая.
Не стыдно мне за слёзы эти –
Ведь плакал, видно, я не зря.

Куда тебя не заносило!
Но вновь домой тебя несла
Центростремительная сила
Полузабытого села.
И вёл тебя с путей окольных
Под сень родных надёжных мест
На свет высокой колокольни
Надетый здесь нательный крест.
Любовь ли первая манила,
Что и поныне дорога?
И материнская могила,
И те заветные луга,
И корабельный бор, и поле,
Где ходуном ходила рожь?
Неужто снова в Чистополье
Ты старой улицей идёшь?
Идёшь ты весел, да не очень –
Печаль верёвочкой завей!
Давно забыты тёмсом очи
Избы родительской твоей.
Но ты взгляни: на том же месте –
Скажи теперь, что чуда нет! –
Изба сияет, как невеста,
В очах живой зажётся свет!
За это явленное чудо –
Смотрю в слезах из-под руки –
Спасибо вам, родные люди,
Земной поклон вам, земляки!
В избе вовсю кипит застолье,
Народ справляет торжество –
Не Богородской ли престолье,
Иванов день иль Рождество?
Мне всё равно – признаюсь честно!
Ведь полыхнул в душе огонь.

Народ давно созрел для песни.
Ну, где ты, матушка-гармонь?
Гармонь в душе былое будит,
И снова вера ожила.
Россия есть – Россия будет,
Вовеки будет, как была.

ТРОЕ В ТРОИЦКОМ

В. Крутину, А. Заболоцкому

Нет кручины без причины –
Это истинно, браток.
Но осилит все кручины
Нашей родины исток –
Для души необходимый
До могильного креста –
Наш, Владимир, край родимый,
Наши кровные места!
Вот поэтому, дружище,
Мы с тобою не грустим.
Мы чужбинушки не ищем,
Мы на родине гостим.
Отрешён от жизни плотской,
Здесь, где свет и тишина,
Вместе с нами Заболоцкий,
Друг-сподвижник Шукшина.
И, конечно, не напрасно
– Вот спасибо, удружил –
Сам я кисть калины красной
На божницу положил.
Сговорились – «понорились»
В славном Троицком втроём,
Это просто Божья милость –
Чуть от счастья не поём!

Хоть на время позабудем,
Что такое грусть-тоска.
Аль нельзя крещёным людям
Порасслабиться слегка?
И взамен Москвы и Вятки
Молодецкое житьё –
Задумственная двухрядка
И неслабое питьё.
Постоим над крутояром –
Что тут, братцы, за места! –
Только втуне, только даром
Пропадает красота.
Будто чёрный вихорь вымел
Деревеньки все окрест.
От села осталось имя
Да ещё поклонный крест.
Как сказал Белов Василий
(вражьей своре – в горле кость!)
Продолжается в России
Вскрестьянский холокост.
Но не пусто свято место –
Оживляя дивный вид,
Там, где храм стоял известный,
Свет-часовенка стоит.
Свет её – души опора!
Люди вновь сюда придут,
Вновь поселятся – и скоро
Благодать здесь обретут.
Это батюшки раденье! –
Я заздравный подниму.
Мы споём благодаренье –
Лета многая ему.
Дни и ночи пролетели –
Счастьем на душу легли.
Зарядились, как Антеи,
Мы от матушки-земли.
Я глаза свои закрою,
Улечу за окоём:
Снова в Троицком мы трое
Лета многая поём!

Не село – поселение.
Не народ – население.
И зовут нас – не грустно ли? –
Россияне, не русские.
Деревеньки все повымерли.
Помню каждую по имени.
И от колоса до колоса
Не слышать на поле голоса.
Не слышать, с иголочки,
Самосевом сосны-ёлочки.
Эх, гармошка красномехая!
Раньше шло-брело да ехало.
Но опять на те же грабли мы –
И раздеты и ограблены.
Здесь, под вздохи наши тяжкие,
Самогонка лётся с бражкой
И уходит население
В небеса на поселение...

Николай ГЛУМОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

НЕЧЕГО ИМ ГОВОРИТЬ С ТОГО СВЕТА

В перевёрнутой чаше небес
Рдеют СССР облака.
Недвижима округа окрест,
Недвижима большая река.
И припомнив Советский свой рай,
И забыв этот тягостный вск,
Улыбается вдруг невзначай
Несоветский уже человек.

ЦУСИМА–2

Теперь уже почти что каждой ночью
Я просыпаюсь, вглядываясь в тьму,
И сон мой продолжается воочью,
И все мы в этом сне идём ко дну.

Идёт ко дну большое государство,
Идёт ко дну мой маленький завод,
Буржуйским приснопамятным коварством
Разрезан на иголки русский флот.

Идут ко дну великие эскадры,
Идёт ко дну корабль за кораблём,
И крутятся замедленные кадры,
И сам я в той пучине за бортом.

И, пламенем погибельным палимый,
Кричу я в исступлении во мрак:
– Мы выйдем из сегодняшней Цусимы,
Чтоб дальше петь про гордый наш
«Варяг»!

Маленькая скромненькая дачка.
Пыльный куст сирени. Старый дом.
И сосед – поддатый – на карачках
Силится подняться за окном.
Видно доля выпала простая –
Вслед за Блоком грустно повторять:
– Ах, Россия, мама дорогая,
Как тебя из грязи поднимать?

Душа взволнованно просилась,
Расправив крылья, в небеса,
Попытка эта прекратилась
Примерно через полчаса.
Бедняжке подсказали где-то,
Что ей иного нет пути –
У пролетарского поэта
Одна работа впереди.

Звезда сияла в вышине
Неутешительно большая,
И всё шептала что-то мне,
Лучами страшными блистая.
А я ловил зловещий свет,
Печально падавший на крыши,
И страстно верил – как поэт
Я поднимусь гораздо выше.
Был девяносто первый год,
Который нёсся над Россией,
И в том, что нас в дальнейшем ждёт,
Я видел минусы большие.

На самой середине дороги,
Чтоб зрел православный народ,

Подвыпивший бомж одноногий
Про Стеньку с княжною орёт.

Надвинувши шляпу скорее
Блажного певца обхожу,
И сердце моё холодеет,
И я через силу дышу.

Я вслушиваюсь поневоле
В слова, что звенят на ветру.
Ах, вольная русская воля!
Без воли я видно помру.

Ранней, девственной, суровой,
Школьной, сказочной порой
Грезил грешной Айседорой,
И кабацкою Москвой.
День за днём зимой и летом
Том Есенина читал,
Подле русского поэта
Жизнь свою воображал.
Я не мог свой пыл направить
На предмет совсем иной.
Не могу себе представить
Этой встречи роковой.
Есть Есенин. Есть литр водки.
Холостяцкий скорбный кров
С неисправною проводкой.
Но я к встрече не готов.

Перебрал я, наверное, слишком,
Потому и узрел – под окном
Пляшет, пляшет весь вечер мальчишка,
Напевая о чём-то своём.

Пляшет, скинув картуз свой старинный,
Растрепав свой блондинистый чуб,
Каблуком по раскиснувшей глине
Бьёт в сердцах, то печален, то груб.

И вдруг свыше меня осенило,
Вдруг открылось мне в сердце хмельном –
Сам Есенин молоденький, милый
Пляшет, пляшет сейчас под окном.

Пляшет, пляшет под низким окошком,
Пляшет видно в последний свой раз,
Пропадая во тьме понемножку,
Уходя потихоньку от нас...

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Злые потоки холодного света.
Яркая, злая луна.

Вот Передреев, склонённый над книгой,
Чуть захмелевший Рубцов,
Праведный Прасолов с думою тихой,
А во главе Кузнецов.

Скорбно и тихо. Ни слова, ни вздоха.
Блещет луны циферблат.
Плохо России, и им в раю плохо.
Молча поэты сидят.

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Нечего им говорить с того света,
Если на этом страна.

Мы долго бродим средь потёмок.
Прекрасен старый сад вокруг.
И голос твой высок и звонок,
Мой школьный, мой старинный друг.
И наша молодость нетленна,
И Блока вновь читаешь ты,
И возвращаются мгновенно
Революционный мечты.
Но грустно как перед рассветом!
Вновь оборваться должен сон:
Я на советском свете этом
Живу – проснусь уже на том.

■ ЗЕМЛЯ

Василий ТИХОНОВЕЦ,
г. Чайковский

ВОЛЧАТНИКИ

Если вы собрались в кругосветное путешествие на собственной яхте класса «Дракон», которой у вас нет, то вам придётся заработать кучу денег на её приобретение. А самый выгодный способ их получения – отстрел волков. За шкуру опасного хищника выплачивается большая премия, а волчьи шкуры, оставшиеся после покупки яхты, могут пригодиться для изготовления одежды. Согласитесь, плавание в высоких широтах без меховой экипировки, когда льдом покрыт весь стоячий и бегучий такеаж вашей крепкой посудыны – чистое безумие.

Я и мой друг Генка твёрдо знали, что зимние каникулы нельзя проводить безрезультатно. Хватит валять дурака – пора двигаться к цели самым практическим образом: нужно зарабатывать деньги. Третьим в компании был одноклассник Влас. Наши кругосветные цели не совпали с убогими мечтами Власа о мотоцикле, но мы решили объединить усилия хотя бы на время.

Из всех возможных способов заработка выбрали самый надёжный: охоту на волков. Теоретическое изучение вопроса привело нас к некоторым предварительным выводам. Прежде всего, мы категорически отвергли коллективную охоту с использованием флажков. Несколько километров шнура с флажками, специальные катушки для утомительной размотки, большое количество участников, а с ними неизбежно пришлось бы делиться добычей – всё это нам не подходило.

Стрихнин – прекрасный яд для волков. Он подробно описан в произведениях Сетон-Томпсона, но продаётся только в Америке. Попытки изготовить отечественный и куда более смертельный яд – фторацетат бария, жёстко пресекала любимая преподавательница химии. Но желание применить «химическое оружие» двигало научную мысль дальше. По расчётам Генки, кусочек щелочного металла, например, калия или лития, покрытый тугоплавким говяжьим жиром, мог дать потрясающий результат: при попадании в желудок волка эта капсула, соединившись с желудочным соком, должна взорваться.

Его теорию мы сразу подтвердили экспериментом в химическом стакане с раствором соляной кислоты... И все школьные запасы щелочных металлов немедленно попали в сейф, под пломбу. Туда же последовали бертолетова соль и красный фосфор: замечательный метод русского ученого Ширинского-Шихматова по совершенно безопасному изготовлению гремучих смесей, которые взрываются от малейшего сжатия, тоже оказался «вычисленным» учительницей.

А как красиво решалась проблема! Капсулу с кусочком щелочного металла волк, голодный как собака, всё-таки должен непременно проглотить, чтобы через некоторое время в желудке прогремел взрыв. А вот «конфетку» из куска бараньей кишки, с адской смесью внутри, зверю достаточно слегка сжать зубами. И всё!!! Бертолетова соль, смешанная с красным фосфором и кусочками фарфора, никогда не давала осечки. В результате – взрыв прямо в волчьей пасти и немедленная смерть кровожадного хищника...

Все необходимые компоненты для изготовления разрывных пуль, наносящих смертельные раны, химического отравления волков, взрываания их изнутри и снаружи перестали применяться в учебной программе. На время в нашей школе вовсе прекратились любые опыты.

От химической охоты на волков пришлось отказаться.

Биологию мы любили гораздо меньше, чем химию, и мысли о применении бактериологического оружия не подкреплялись необходимыми знаниями. Оставалась только физика, но она предлагала слишком долгий путь воздействия жёсткой радиации на организм зверя, да и не могли мы тратить десятки лет на получение волка-мутанта, готового без ущерба для здоровья сдавать шкуру родному государству и выращивать её снова. Генка, шеф разведки нашей компании, заявил, что в соседнем районе проводятся подземные ядерные взрывы, но информация была настолько засекреченной, что мы убедились в её правдивости только через двадцать пять лет.

Физические методы уничтожения волков включали использование дешёвой электроэнергии. Я попробовал выяснить у отца-энергетика, как можно использовать электричество в борьбе с хищниками, наносящими непоправимый урон народному хозяйству стран социалистического лагеря. Но мой отец, не вникая в проблемы Варшавского договора, строго-настрого запретил подключаться к линии с напряжением пятьсот тысяч вольт и пообещал спустить мою собственную шкуру, если узнает, что я имею к этому хоть какое-то отношение. И ещё он сказал, что действие на волка столь высокого напряжения, оставит на его месте примерно триста тридцать пять граммов пепла, а волчий пепел невозможно сдать за деньги.

И физика отпала сама собой.

Все исторически выверенные способы тоже не подходили. Стальные капканы, деревянные «волчьи садки» и «ледяные горки», по которым волки, польстившись на приваду – дохлого телёнка, десятками падают в специальную яму – всё это пришлось отменить. Легко представить: голодные волки с жадностью бросаются на приваду. Она лежит на крутом склоне, покрытом предательским слоем льда. Один за другим, волки соскальзывают в яму, а из неё нет выхода. Но даже пятикласснику известно, что волки – отъявленные каннибалы. Разумеется, попав в замкнутое пространство, им не останется ничего иного... Они начнут моментально утолять волчий голод, пожирая друг друга. А результат – плачевный: вместо запланированного десятка волчьих шкур находите в яме всего одного, правда, исключительно упитанного волка...

Мы не могли позволить себе таких убытков.

Из всех вариантов охоты оставался один: непосредственная схватка со зверем. Мы выбрали охоту «на приваде». Этот старинный способ добычи волков требовал от охотника незаурядной выдержки и смелости. Нам это подходило. Но этот способ невозможно применить без самой «привады» – труп домашнего или дикого животного. Именно вожделенный трупный запах, как магнит, притягивает голодных хищников. Они теряют природную осторожность и падают под выстрелы охотников, сидящих в засаде. С добычей подходящего трупа дело обстояло сложнее всего, но Влас, мужик хозяйственный, взялся эту проблему решить.

С огнестрельным оружием дела складывались лучше. У меня имелось ружьё, подаренное отцом. Влас располагал ружьём родного дяди, не хватало надежного оружия для Генки. Изготовление арбалета, пробивающего рыцарские доспехи на расстоянии двухсот шагов, мы

отклонили, хотя удалось достать в клубной библиотеке Свиридовска почти подлинные чертежи этого смертоносного оружия, выполненные рукой известного итальянского инженера Л. Да Винчи. Чертежи оказались старыми, и многие детали трудно было разглядеть. Но мы с Власом представили, как Генка будет хладнокровно, одного за другим, поражать волков своим бесшумным оружием. В то же время наши оглушительные выстрелы из двустволок позволят убить всего по два волка, а остальные звери просто разбегутся.

Генка предложил, пользуясь чертежами итальянца сделать хотя бы простенький «винтокрыл», но мы подняли его на смех по следующим причинам:

– никто из нас не имел навыков ночных полетов;

– нужно искать аккумулятор, чтобы ослеплять волков с воздуха мощным прожектором;

– прожектора, кстати, тоже не имелось;

– проект того же Л. Да Винчи предполагал ручное вращение винта вертолёта.

Последнее нам как раз подходило. Но аппарат итальянца мог поднять в небо не более двух человек: один рулит, а второй крутит винт. Стрелять по волкам и ослеплять их светом прожектора в такой ситуации абсолютно некому.

Для полноценной наземной охоты нужно было достать третье ружьё. Наш общий знакомый, Борька-Пузо, потребовал за старенькую одностволку целых двадцать пять рублей. Грабёж средь бела дня! Но если прикинуть, что премия за волка в четыре раза больше... Сдав шестьдесят трёхлитровых банок по сорок копеек за штуку, мы купили это ружьишко, тем более что калибр нашего арсенала оказался одинаковым – шестнадцатый.

Потом мы делали картечь. Сначала сбились с ног в поисках старого аккумулятора. Его всё-таки нашли, почти новый. Генка опять заныл насчет «винтокрыла»: «Вот уже и аккумулятор есть...» Но мы его решительно остановили.

Картечь делается элементарно. Все свинцовые части аккумулятора мы расплавили. Из нескольких слоёв бумаги, накрученной на карандаш, склеили трубочки, диаметром восемь миллиметров. В эти трубочки, вставленные в банку с песком, залили расплавленный свинец. Так у нас получились свинцовые стержни. Каждый стержень разрубался на кусочки – заготовки будущих картечин. Кусочки мягкого металла укладывались на днище сковороды, положенной вверх дном, и раскатывались доньшком второй сковороды.

Производство картечи давало результат прямо на глазах: полулитровая стеклянная банка наполнялась смертоносными свинцовыми шариками. Каждые шесть картечин – потенциальная волчья шкура, и ещё один шаг к неизбежной «кругосветке». Это вдохновляло и успокаивало. Зарядка патронов картечью, пересыпание её крахмалом для «кучности», а, значит, изготовление самого крахмала из картофельных очисток, связывание картечин между собой для нанесения особо смертельных ран – все эти вопросы решались незамедлительно, по мере возникновения.

Генка предложил изготовить оптические прицелы, причем их производство начать с выплавки стекла для линз. Но так как сначала пришлось бы сделать мощную печь для выплавки стекла, эта идея нашла поддержку только частично: мы навсегда разобрали фотоаппарат «Смена-3», принадлежавший моей старшей сестре. Но прицел у нас не получился.

Подготовка экспедиции, несмотря на режим строжайшей конспирации, набирала обороты. Из продуктов решили брать бобы, бекон, кофе, муку, пеммикан, соль и сахар. Как известно, все уважающие себя золотоискатели и охотники берут с собой именно эти продукты. Бобы,

к сожалению, пришлось заменить горохом, а бекон – русским салом с чесноком. Кофе с цикорием в магазинах попадался, но решили вместо него взять чай – к нему мы больше привыкли. Пеммикан, без которого на Клондайке невозможно прожить ни дня, это мясной порошок. Его пришлось делать самим. Кое-как нашли целый килограмм мяса, сварили, «перекрутили» через мясорубку, высушили в газовой духовке. Маленькую кучку полученного пеммикана высыпали на газету. Этой жалкой кучкой предстояло довольствоваться почти десять дней. И на всякий случай мы решили взять что-нибудь ещё.

Взяли: говяжью тушёнку, картошку, замороженные пельмени, блинную муку, варенье и три лимона от цинги.

Дело оставалось за малым – достать приваду. Хозяйственный Влас приволок огромные сани, три пустых мешка, и мы отправились на свалку Свиридовского мясокомбината. Целого трупа мы не нашли, но голова лошади, оставившей свое тело для производства колбасы, и куча аппетитных коровьих костей не могли не соблазнить даже самого сытого волка.

Родители приятелей с ужасом следили за тем немногим, что удавалось заметить: мешок с огромной лошадиной головой никак не вписывался в рамки зимнего туризма. Воображение рисовало им зловещие картины нашей неминуемой гибели от голода и холода. Но нам удалось усыпить бдительность этих привязанных к суше людей. Им не дано было представить коварство Индийского океана, скрип мачты и завывание ветра. Они не знали, что такое «гик», поворот «оверштаг» и острова Фиджи, где нет кровососущих насекомых. Родители Генки и Власа могли считаться по морской терминологии только обычными «сухопутными крысами». Мне было проще. Отец ушёл от матери, и она думала о чём угодно, но уж наверняка не о моих приготовлениях к зимнему походу. «Гибрид клёна» жил тогда с моей старшей сестрой в нашем доме, но у них тоже имелись свои заботы. Никому не следовало знать настоящую цель экспедиции. Даже Влас не догадывался о кругосветных планах. Он увлекался техникой и на свою долю денег собирался купить мотоцикл.

И, наконец, подготовка завершилась:

– два огромных рюкзака;

– три пары лыж;

– мешок с костями и лошадиной головой.

Ружья надёжно спрятаны. Всё имущество мы погрузили на лесовоз, и он задаром доставил нас на глухую окраину района, где ещё осенью мы с Генкой видели огромные следы матёрого...

Водитель спешил досрочно выполнить очередной пятилетний план. Он выгрузил нас посреди леса, махнул рукой в том направлении, куда нам предстояло идти, и уехал, оставив за собой шлейф вонючего чёрного дыма. Когда машина скрылась, а дым рассеялся, мы обнаружили, что забыли, в спешке, широкие охотничьи лыжи. Они уехали вместе с машиной. Лесную дорогу занесло глубоким снегом, и мы по очереди топтали след. Я делал широкие шаги. Влас – на голову ниже меня. Он в мои следы ещё как-то попадал, а Генка ростом не вышел...

Вечер наступил незаметно. Пришлось готовиться к ночлегу.

Бывалые таёжники в любую минуту готовы заночевать в лесу...

Сидя на диване в тёплой квартире, приятно порассуждать о ночёвке в зимнем лесу. К примеру, можно сделать «нодью»: два бревна из сухостойной ели укладываются одно на другое, закрепляются колышками и поджигаются. Всю ночь огонь тлеет между брёвнами, а ты лежишь рядом, как у печки, и наслаждаешься видом звёздного неба...

Окончание на стр. 8 ►

ВОЛЧАТНИКИ

◀ Окончание. Начало на стр. 7

Мы готовились к ночлегу в молодом осиннике, где не было толстой и сухой ели, а самые могучие деревья оказались не толще руки. Осинки – сочные, как морковь. Поджечь их можно только напалмом, причём в жаркую погоду. Но у нас уже не хватало сил идти дальше. Испробовав туристические топоры в деле, мы скоро поняли, что брать их в «кругосветку» можно только в качестве грузил при ловле акул или для натурального обмена с туземцами.

Всю ночь мы не спали, собирая в крошечной тьме хворост и срубая тонкие сухие деревца. Костёр то ярко вспыхивал, то угасал. Мы стали его добровольными рабами. Ночь кончилась только утром, таким же хмурым и беспросветным, как бледные лица компаньонов. Я посмотрел в зеркальную крышку компаса: лицо оказалось жёлтым. Ребята рвались в путь, но я им сказал, что без крепкого чая с лимоном не тронусь с места. Они раздвинули ждали, пока я растоплю снег и заварю чай. Его, разумеется, пили все участники экспедиции. Чаепитие разрядило обстановку и подарило общее разумное решение: бросить вещи и налегке протоптать тропу до заброшенной деревни. Мы долго шли в неизвестном направлении, но деревню таки нашли. Там сохранился дом, где осенью нам с Генкой уже приходилось ночевать. Увидев вождьленное пристанище, мы повернули назад, не дойдя сотню метров...

Взвалив брошенные мешки, молча двинулись к теплу и крыше над головой, но ночь опять застала нас в пути. Влас уже не роптал и не проклинал ни нас, ни волков, ни заветную мечту – злосчастный мотоцикл «Ковровец». Он шёл первым, за ним я, а сзади плелся Генка, волоча по снегу все три ружья. Уже на подходе к деревне Влас бросил мешок с лошадиной головой и с криком

«Волк!» побежал к нам. Ружья были моментально заряжены, стволы продуты от набившегося снега. Мы встали спинами друг к другу и приготовились в честном бою заработать первые деньги. Но коварные невидимые волки почувствовали нашу решимость и отступили. У нас тряслись руки. Влас рассказывал, как услышал шумное дыхание в двух метрах от себя и показывал, как именно дышал волк. Влас дышал очень убедительно, в точности, как голодный зверь.

Решили двигаться дальше, в полной готовности к нападению, но Влас наотрез отказался нести лошадиную голову. Действительно, если трезво смотреть на вещи, то и наши консервные банки, и картошка, и блинная мука, и стелые пельмени, и даже пеммикан не представляли для серых разбойников никакого интереса. Тем более что картошка замёрзла до каменного состояния. А вот Влас вместе с лошадиной головой мог стать сытным ужином для хищников. Мы бросили и голову, и кости, но идти дальше всё равно было очень тяжело.

Наш путь проходил через глубокий овраг, из которого трудно выбраться даже налегке – мы уже испытали это на себе. Влас заявил, что волки сожрут нас именно в этом овраге и спускаться в него ни в коем случае нельзя. Пришлось обходить препятствие по пояс в снегу. Мы выбрались на собственный след и шли по нему, пока он не окончился почти в самом центре деревни. Но сейчас, в крошечной тьме, мы не видели ни одного дома. Я вылезал протоптать дорожку к единственной избе, пригодной для ночлега. Ребята остались ждать сигнала – трёх зажжённых по очереди спичек. Я прополз на брюхе пару десятков метров, попал в какую-то яму и молча барахтался, не имея сил звать на помощь. Наконец я вылез из зыбучего снега. Перекатываясь, чтобы меньше проваливаться, дополз до старого, покосившегося дома и перевалился через порог. Наверное, на какое-то время я заснул. Но потом вышел наружу и стал зажигать спички.

Увидев ответный сигнал, я вернулся в дом, чтобы растопить огромную русскую печь.

Через пару часов мы грелись, пили чай, ели разогретую тушёнку, курили и чувствовали себя совершенно счастливыми. Ребята рассказывали мне, что несколько раз стреляли в воздух, пока я спал в избе. Дом, давным-давно брошенный хозяевами, медленно нагревался. Мы засунули древнее деревянное корыто в необъятную топку глинобитной печи и залезли на неё. Проснувшись только в середине следующего дня. Затопили остывшую печь и выбрались наружу. После ночлега у костра не хотелось даже думать о немедленном поиске волков. Голубое небо по нижнему своему краю было покрыто морозным узором остеклевших берёз. Красота природы, не имеющая прямого отношения к волчьим шкурам, упрямо лезла в глаза...

Почему я вспомнил об этом? Наверное, потому что течение отдельной жизни странным образом зависит от какой-нибудь маленькой детской истории. Если бы вернувшись с «волчьей охоты» я не застал в нашем доме приятеля сестры, то вся моя жизнь сложилась бы совсем по-другому. Ведь именно этот мужик, занимающийся стиркой калысон, слегка заикаясь, сказал мне: «А что если тебе п-поступить на ф-факультет охотоведения?»

Я придерживал подмороженную губу и подробно рассказывал ему, как мы делали снегоступы, как обошли на них окрестности заброшенной деревни и не нашли ни единого волчьего следа. Я рассказал о множестве мёртвых селений... Тогда я ещё не понимал, что именно Свиридовск, родной моему сердцу город, как паук высосал живую кровь из встреченных нами деревень, оставив в старой паутине просёлочных дорог только их пустые высохшие оболочки...

Он внимательно слушал, а потом сказал: «В К-Кирове есть т-такой ф-факультет». Я запомнил его слова, и решил, что уж если и буду куда-нибудь поступать, то только на это самое «охотоведение».

■ ВРЕМЯ

Виталий БОГОМОЛОВ,
Союз писателей России,
г. Пермь

МУРАВЕЙНИК

Учитель Вера Алексеевна сказала, что у них в лесу есть очень большой муравейник. Я в деревне вырос, муравейников этих сотни перевидел, в том числе и большие видел, и очень большие – огромные. Меня этим не удивишь.

Но чтоб не обидеть человека, до самозабвения любящего своё дело, свой предмет – биологию, я согласился сходить посмотреть местную достопримечательность.

Муравейник находился примерно в километре от села, на южном склоне холма, густо заросшего ельником, под сенью которого почва была покрыта толстым одеялом осыпавшихся иголок, так что материала для строительства трудолюбивым муравьям здесь хватало, и кризис их не ожидал...

Увидев муравейник, я не поверил глазам своим, не поверил, что муравейники такие могут быть в наших местах.

Это была гора полтора метра в высоту и двухметрового диаметра в основании! Целая копна, а не муравейник! Миллионы, миллионы и миллионы еловых иголок были натасканы и соскладированы в эту огромную копну – жилище этих неутомимых трудяг – муравьёв. Стоит только осмыслить факт, как муравей застаскивает иголку на вершину почти двухметрового крутобокого строения, и тебя невольно охватит почтительное восхищение, уважение к этому крохотному существу. А если не охватит, то недосто-

ин ты больше называться человеком!

Но помимо восторга я пережил и глубокое огорчение: следы человеческой обуви, ощутимо повредившей муравейник, вели на его вершину... Видимо, кому-то пришло дикое желание запечатлеть себя таким образом на фотоснимке.

Стояла осень, обитатели муравьиного небоскрёба спрятались уже глубоко внутри и запечатали входы...

Мне подумалось, что такой муравейник мог бы быть достопримечательностью не только села Потапово, но всего нашего Пермского края.

В старину, как я могу судить по рассказам стариков моего детства об отношении к подобным явлениям, староста села попутно с другими важными делами объявил бы на сходке жителей, чтоб не трогали, не зорили, берегли этот муравейник.

И не зорили бы. Старики бы за это не пожаловали пакостников.

Попробуй сейчас подобное объяви, напротив – тут же сыщутся охотники разорить, и побегут и разорят.

Так как же его сберечь, сохранить? Поставить чугунную ограду? Разберут и сдадут в металлолом, чтобы купить на вырученные деньги пива...

Установить табличку с призывом беречь – это лишь спровоцирует обратные действия...

Сторожа тоже не поставишь...

Как ни крути – один выход: воспитание души и развитие сознания.

Как это сделать? Где это сделать?

Сделать это может только семья – воспитать человека, заложить в него благие начатки, а помочь, дальше помочь могут школа и церковь. Но где взять такую семью? Семья у нас в стране практически уничтожена. Путь непредсказуемо долгий, трудный, ибо ещё и семью-то надо воспитать на пустом месте. То, что есть сегодня, семьёй назвать можно только закрыв глаза...

В школе огромную роль могла бы оказать в воспитании человека литература: чистое, созидательное слово рус-

ской классики. Какой глубинный смысл в восклицании нашего национального гения: «Над вымыслом слезами обольюсь...» (А. Пушкин). Это же сказано о силе воздействия литературы на душу человека.

Увы, не то, что-то не то происходит в нашем человеческом муравейнике.

ГЛЯДЯ НА ДЕВУ МЛАДУЮ

Майское утро, терпкий бодрящий аромат молодой зелени, оживлённый пересвист птиц. Уже забылась зима с её омертвевшим воздухом, пропитанным жирной копотью и вонью выхлопных газов...

Еду в троллейбусе. Вижу, стоит девушка на задней площадке у окна, высокая, стройная, симпатичная. И столько в ней чарующей свежести, чистоты и весенней уверенности в жизни, в себе, что, глядя на неё, невольно расфилософствовался.

Как много заложено в неё ожидания, сколько даровано возможностей. Она будто цветущая яблоня, которая обнадё-

живает садовника обещанием доброго урожая. Но по обильному цвету, по красоте его подвенечной ещё трудно судить о будущем урожае. А и созреет добрый плод, то каким глазом посмотрят на него, с каким сердцем и кто сорвёт его, какой рукою? Пресыщенный ли то будет жизнью и удовольствиями циничный человек, который, откусив раз, бросит медовое яблоко?

Или попадёт оно тому, кто оценит и должно воздаст красоте его наливной, кто способен бережно наслаждаться красотой, не уродуя её? А то вдруг, да и сам плод окажется червивым...

Потому и грусть ощущаешь, глядя на деву младую, что знаешь: может быть худший вариант, и что лет через десять не останется и следа от этой свежести и прелести первозданной и чистой, которая так властно пленяет сегодня. Ведь сколько всего дурного и опасного подстерегает её в жизни! Удастся ли преодолеть? Помогите, Господи!

И моё сердце сжимается, становится жалко людей, хочется помочь им стать лучше. Но как? Как, если себя-то сделать лучше не умею.

В. А. Богомолов. Творческая встреча писателя с юными слушателями

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация
Союза писателей России
Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011.

Главный редактор — В. В. Якушев
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
В. Ф. Гадышев — отдел публицистики
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
Выпускающий редактор — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 1497, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru
Сайт: www.pisatel.perm.ru
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 1 (11), 2014 г.
Подписано в печать 21.03.2014. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.
Газета отпечатана в ООО «Кунгурская типография»:
Пермский край, г. Кунгур, ул. Кривинская, 7.
Заказ № Тираж 2000 экз.
Газета распространяется бесплатно.